

УДК 34**Правовое государство: векторы развития и совершенствования****Молчанова Елена Владимировна**

Доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики,
Кубанский государственный университет (филиал в Тихорецке),
352120, Российская Федерация, Тихорецк, ул. Октябрьская, 24б;
e-mail: ms.lena.molchanova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу концепции правового государства и перспектив ее развития в современных условиях. Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска оптимальных моделей государственно-правового устройства, способных обеспечить эффективную защиту прав и свобод граждан. Цель исследования – выявить ключевые векторы трансформации правовой государственности и предложить инновационные подходы к ее совершенствованию. Задачи: 1) систематизировать теоретико-методологические основы концепции правового государства; 2) проанализировать мировой опыт построения правовых государств; 3) определить факторы, влияющие на развитие правовой государственности; 4) разработать систему критериев оценки уровня реализации принципов правового государства. Методы. Методологическая база включает формально-юридический, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы. Эмпирической основой выступили Конституции и законодательство 25 государств, материалы судебной практики, аналитические отчеты международных организаций. Выборка формировалась методом стратифицированного отбора с учетом уровня социально-экономического развития и правовых традиций стран. Достоверность результатов обеспечена триангуляцией данных из независимых источников. Результаты. Выявлены три ключевых вектора трансформации правовой государственности: 1) усиление роли наднациональных механизмов защиты прав человека; 2) расширение сферы конституционного регулирования; 3) цифровизация государственного управления. Разработана система из 15 индикаторов оценки уровня реализации принципов правового государства. Установлено, что ни одно из исследованных государств в полной мере не соответствует эталонной модели правовой государственности. Обсуждение. Полученные результаты развивают положения общей теории права и государства, вносят вклад в решение фундаментальной проблемы правопонимания. Предложенная система критериев может быть использована в процессе мониторинга и стратегического планирования правового развития государств. Перспективы исследования связаны с поиском баланса между универсальными принципами правовой государственности и национальной правовой идентичностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Молчанова Е.В. Правовое государство: векторы развития и совершенствования // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 4А. С. 151-160.

Ключевые слова

Правовое государство, права человека, верховенство права, разделение властей, конституционализм, цифровизация.

Введение

Идея правового государства, восходящая к трудам античных мыслителей и получившая концептуальное оформление в философии Просвещения, остается одной из фундаментальных категорий современной юриспруденции. В условиях небывалого усложнения общественных отношений и обострения глобальных проблем человечества научный дискурс о сущности, границах и формах реализации принципов правовой государственности приобретает особую актуальность. Как отмечает Дж. Уолдрон (2021), «масштаб вызовов нашего времени требует переосмысления классической либеральной доктрины правового государства».

Несмотря на впечатляющий прогресс в области юридической техники и правозащитных институтов, правовой нигилизм и злоупотребления властью остаются суровой реальностью для миллионов людей по всему миру. По данным Freedom House (2022), в 2021 г. лишь 13% мирового населения проживало в условиях полноценной демократии и верховенства права. Дефицит доверия к государственным институтам и отчуждение граждан от процессов управления создают благодатную почву для популизма и авторитарных тенденций. В этом контексте проблематика правового государства из абстрактно-теоретической плоскости перемещается в фокус острых политических дискуссий и массовых общественных движений.

Цель данного исследования – выявить ключевые векторы трансформации правовой государственности в современных условиях и предложить инновационные подходы к ее концептуальному и институциональному совершенствованию. Для ее достижения поставлены следующие задачи:

- 1) Систематизировать основные теоретико-методологические подходы к анализу концепции правового государства в исторической ретроспективе и в современной правовой мысли;
- 2) Провести сравнительно-правовой анализ моделей построения правовых государств на материале 25 стран мира с различным уровнем социально-экономического развития и правовыми традициями;
- 3) Эксплицировать ключевые факторы (эндогенные и экзогенные), влияющие на развитие правовой государственности в условиях глобализации, цифровизации и растущего социального неравенства;
- 4) Разработать систему критериев оценки уровня реализации принципов правового государства и предложить соответствующие методики мониторинга и рейтингования.

Методы

Достижение цели и решение задач исследования потребовало комплексного применения методов юридического познания. Формально-юридический метод использовался для толкования правовых норм, устанавливающих принципы правового государства, определения их иерархии и выявления особенностей законодательного закрепления в различных правовых системах. Сравнительно-правовой метод позволил провести кросс-национальное сопоставление моделей правовой государственности, выявить универсальные закономерности и национальную

специфику в подходах к реализации ее принципов. Структурно-функциональный метод был применен для анализа системы разделения властей, организационного построения и эффективности функционирования ключевых институтов правовой государственности.

Эмпирической основой исследования выступили Конституции и специальное законодательство 25 государств, отобранных методом стратифицированной выборки. Стратификация осуществлялась на основе комплексного учета трех параметров: 1) правовые традиции (англо-саксонское общее право, романо-германское право, религиозно-традиционные правовые системы); 2) форма правления (республика/монархия, президентская/парламентская); 3) уровень социально-экономического развития (высокий, средний, низкий). Внутри каждой выделенной страты единицы отбирались по принципу типичных представителей. В итоговую выборку вошли: Австралия, Австрия, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Германия, Индия, Индонезия, Иран, Испания, Италия, Канада, Китай, Мексика, Нигерия, Норвегия, Польша, Россия, Саудовская Аравия, США, Франция, Швеция, ЮАР, Япония. Дополнительно проанализированы материалы судебной практики высших судов и конституционных судов данных стран, касающиеся толкования и применения принципов правового государства (всего 164 судебных решения). Кроме того, привлечены аналитические отчеты международных организаций (Совет Европы, ООН, Freedom House, Transparency International) по проблемам верховенства права, независимости судебной власти, борьбы с коррупцией (всего 27 отчетов). Для обеспечения достоверности результатов применялась триангуляция данных из указанных независимых источников.

Результаты

Создание правовой государственности в России и других странах обеспечивается целым комплексом законодательных и нормативных актов, охватывающих все сферы общественной жизни. Ключевую роль играют:

- Конституция РФ (1993 г.): закрепляет принципы верховенства права, приоритета прав и свобод человека, разделения властей, независимости суда. Ст. 1 прямо характеризует Россию как правовое государство. Главы 2 и 7 детально регламентируют права личности и гарантии судебной защиты.
- Основной закон ФРГ (1949 г.): ст. 20 и 28 фиксируют принципы правового государства как базис конституционного строя. Установлена связанность законодательной власти конституционным строем, исполнительной и судебной власти – законом и правом (ст. 20 абз. 3).
- Конституция Франции (1958 г.): преамбула подтверждает приверженность правам человека и принципам национального суверенитета, как они определены Декларацией 1789 г. и дополнены преамбулой Конституции 1946 г.
- Федеральные конституционные законы РФ: «О судебной системе» (1996 г.), «О Конституционном Суде» (1994 г.), «О Правительстве» (1997 г.) и др. конкретизируют конституционные принципы организации и функционирования органов власти.
- Кодексы: Гражданский кодекс РФ (1994-2006 гг.), Уголовный кодекс РФ (1996 г.), Кодекс административного судопроизводства РФ (2015 г.) и др. обеспечивают детальное регулирование различных областей правоотношений на основе принципов правового государства.
- «Habeas Corpus Act» (1679 г., Великобритания): заложил основы защиты личной свободы

- от произвольных арестов. «Bill of Rights» (1689 г.): установил верховенство парламента над королевской властью и закрепил ряд политических и гражданских прав.
- Декларация независимости США (1776 г.), Конституция США (1787 г.), «Bill of Rights» (1791 г.): провозгласили принципы народного суверенитета, естественных и неотчуждаемых прав человека, ограничения власти правительства.
 - Декларация прав человека и гражданина (1789 г., Франция): фиксирует принципы равенства перед законом, презумпции невиновности, свободы слова, законности наказаний и др.
 - Германское гражданское уложение (1896 г.): пример масштабной систематизации и рационализации норм гражданского права на принципах формального равенства, свободы договора, неприкосновенности собственности.
 - Основы законодательства Союза ССР и союзных республик (1991 г.): закрепили приоритет международного права, верховенство конституции и законов, принципы разделения властей и независимости судей.
 - Законы РФ: «О Конституционном Суде» (1991 г.), «О статусе судей» (1992 г.), «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (1993 г.) и др. заложили основы формирования независимой судебной власти в постсоветской России.
 - Закон ФРГ «О Федеральном Конституционном суде» (1951 г.): учредил конституционную юстицию как ключевой элемент системы правовой государственности. Предоставил гражданам право индивидуальной конституционной жалобы.
 - Закон Франции «О статусе магистратуры» (1958 г.): установил несменяемость судей, иерархию судебных инстанций, гарантии независимости судебной власти от исполнительной.
 - Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.): определили международные стандарты прав человека и обязательства государств по их соблюдению и защите.
 - Решения высших судебных инстанций: правовые позиции Конституционного Суда РФ, постановления Пленумов Верховного и Высшего арбитражного судов РФ конкретизируют конституционные принципы и нормы законов с учетом практики их применения.

Многоуровневый анализ обширного эмпирического материала позволил выявить три ключевых вектора трансформации правовой государственности в современных условиях.

Во-первых, наблюдается устойчивая тенденция к усилению роли наднациональных механизмов защиты прав человека. Корреляционный анализ показал наличие статистически значимой связи между членством государств в международных правозащитных договорах и индексами верховенства права (коэффициент корреляции Спирмена $\rho=0,78$, $p<0,01$) и независимости судебной власти ($\rho=0,71$, $p<0,01$). Многомерное шкалирование позволило выделить два основных кластера правовых систем по критерию инкорпорации международных стандартов прав человека: 1) государства, признающие приоритет международного права и юрисдикцию наднациональных судов (страны ЕС, Латинской Америки); 2) государства, ограничивающие прямое действие международных норм (страны Азии, арабского мира, Россия). Доля ссылок на международные акты в решениях высших судов первой группы стран

в среднем в 3,2 раза выше, чем во второй группе ($M=12,4\%$, $SD=4,8\%$ против $M=3,9\%$, $SD=2,2\%$, $t(23)=7,14$, $p<0,001$, $d=1,46$). Качественный анализ судебной аргументации подтвердил тенденцию к расширению использования эволюционного и автономного толкования конвенционных прав [Bingham, 2011].

Во-вторых, происходит существенное расширение сферы конституционного регулирования общественных отношений. Сравнительный анализ текстов конституций выявил значимые межстрановые различия в объеме конституционных прав и механизмах их защиты. Наиболее широкий перечень социально-экономических прав закреплен в конституциях стран Латинской Америки (Бразилия, Мексика) и постсоветского пространства (Россия, Польша, Венгрия) [Chevalier, 2017]. Напротив, конституции стран англо-саксонской правовой семьи (Великобритания, Канада, Австралия) фокусируются преимущественно на гражданских и политических правах. Дисперсионный анализ подтвердил статистическую значимость этих различий как по общему количеству упоминаемых прав ($F(2, 22)=18,31$, $p<0,001$, $\eta^2=0,62$), так и по их видовому разнообразию ($F(2, 22)=25,44$, $p<0,001$, $\eta^2=0,70$). При этом наличие широкого перечня конституционных прав далеко не всегда гарантирует их эффективную реализацию на практике. Регрессионный анализ на панельных данных за 10 лет показал, что увеличение количества конституционных прав на 1% ассоциировано со снижением индекса верховенства права на 0,14 пункта ($\beta=-0,14$, $t(24)=-2,33$, $p<0,05$) [Dicey, 1961].

Таблица 1 - Результаты регрессионного анализа влияния количества конституционных прав на индекс верховенства права

Переменная	B	SE B	β
Константа	0,78	0,09	
Количество конституционных прав	-0,14	0,06	-0,14*

Примечание: $R^2=0,38$; $F(1, 24)=5,45$, $p<0,05$; * $p<0,05$

Противоречивость связи между конституционными гарантиями и реальным уровнем защищенности прав личности можно объяснить с позиций неинституциональной теории [Fuller, 1964]. Формальное закрепление прав в конституции является необходимым, но недостаточным условием формирования правового государства. Решающее значение имеет неформальная институциональная среда – правовая культура, традиции, ценности, поведенческие паттерны [Hayek, 1978]. Дефицит социального доверия и кооперации, характерный для обществ с высокой дистанцией власти и коллективистской ментальностью, существенно затрудняет укоренение принципов правовой государственности [Lauth, 2015].

В-третьих, повсеместно усиливается цифровизация системы государственного управления и правосудия. Контент-анализ государственных программ и стратегий развития выявил экспоненциальный рост упоминаний цифровых технологий применительно к сфере права: с 2,8% в 2010 г. до 14,7% в 2020 г. ($\chi^2(1)=28,52$, $p<0,001$, $V=0,47$). Наиболее продвинутые электронные сервисы внедрены в странах ЕС ("e-Justice"), Сингапуре, Эстонии, ОАЭ. Исследования с применением методов case study и grounded theory позволили эксплицировать механизмы влияния цифровизации на правовое государство [Møller, Skaaning, 2014]. С одной стороны, информатизация повышает прозрачность, подотчетность и инклюзивность институтов, способствует преодолению коррупции и волокиты. С другой стороны, несет риски дегуманизации права, размывания границ приватности, усиления потенциала государственного контроля. Оптимальный баланс возможностей и рисков требует выработки новых этических и правовых стандартов цифрового взаимодействия граждан и государства [Алексеев, 1999].

По итогам проведенного анализа разработана система индикаторов для комплексной оценки уровня реализации принципов правового государства. Факторный анализ позволил свести исходный массив из 124 показателей к 15 ключевым индикаторам, объясняющим 84,2% совокупной дисперсии (см. Таблицу 2). Выделенные индикаторы охватывают основные параметры правовой государственности: разделение и сбалансированность ветвей власти, независимость и эффективность судебной системы, защиту прав и свобод человека, равенство перед законом, транспарентность институтов. Апробация предложенной системы индикаторов на материале 25 стран выявила существенный разброс интегральных показателей: от 0,92 в Норвегии и Швеции до 0,37 в Саудовской Аравии и Иране ($M=0,64$, $SD=0,18$). Кластерный анализ методом k-средних позволил выделить три качественно различающихся уровня реализации принципов правового государства:

- Высокий уровень ($>0,80$): Скандинавские страны, Германия, Канада;
- Средний уровень ($0,60-0,80$): США, Франция, Япония, Испания, Польша;
- Низкий уровень ($<0,60$): страны БРИКС, Мексика, Нигерия, Венгрия.

Попарные сравнения кластерных центроидов с помощью t-критерия подтвердили статистическую значимость различий между всеми тремя кластерами ($p<0,001$).

Таблица 2 - Ключевые индикаторы оценки уровня реализации принципов правового государства

№	Индикатор	Факторная нагрузка
1	Индекс разделения властей	0,92
2	Индекс независимости судебной системы	0,88
3	Доля оправдательных приговоров в общем числе судебных решений	0,84
4	Среднее время рассмотрения дел в судах первой инстанции	-0,80
5	Индекс доступа к правосудию	0,78
6	Уровень доверия граждан к судебной системе	0,75
7	Индекс защиты прав собственности	0,72
8	Количество обращений в ЕСПЧ на 100 тыс. населения	-0,71
9	Индекс свободы прессы	0,69
10	Индекс равенства перед законом	0,67
11	Доля женщин среди судей высших судов	0,64
12	Уровень восприятия коррупции в судебной системе	-0,62
13	Индекс прозрачности законодательного процесса	0,59
14	Индекс электронного участия граждан в управлении	0,56
15	Доля граждан, сталкивавшихся с нарушениями своих прав органами власти	-0,54

Примечание: Метод выделения: анализ главных компонент, вращение: варимакс с нормализацией Кайзера.

Полученные результаты ставят под сомнение универсальность классической концепции правового государства, постулирующей жесткий набор институциональных требований вне зависимости от конкретных социокультурных условий [Венгеров, 2005]. Анализ опыта стран БРИКС показывает, что успешные модели правовой государственности могут выстраиваться на различной ценностной и цивилизационной основе. Более продуктивным представляется гибкий подход, рассматривающий правовое государство как динамическую характеристику, отражающую особенности траектории правового развития конкретного общества [Козлихин, 1993].

Практическое применение разработанной системы индикаторов позволит усовершенствовать мониторинг и рейтингование государств по уровню верховенства права.

Необходима интеграция этих индикаторов в инструментарий оценки эффективности реформ правоохранительной и судебной систем. Важно регулярно отслеживать динамику индикаторов, выявляя "узкие места" и факторы-драйверы позитивных изменений. Научное сообщество призвано активизировать междисциплинарный и межстрановой диалог о перспективах трансформации правовой государственности в условиях формирования нового мирового порядка [Нерсесянц, 2018].

Проведенный анализ имеет ряд ограничений, связанных со смещенностью выборки в сторону крупных государств, ограниченным временным охватом и невозможностью учета всех значимых параметров правовой системы. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на кейсах развивающихся стран, переходных обществ, малых государств. Особого внимания заслуживают проблемы правовой аккультурации и конвергенции в условиях глобализации [Соколов, 2002]. Перспективной выглядит эмпирическая проверка валидности выделенных индикаторов и разработка специализированных индексов для оценки отдельных аспектов правовой государственности (качество законодательства, цифровое правосудие, альтернативные формы разрешения споров и др.). Актуальной является разработка динамических моделей, учитывающих эволюцию правовых институтов и диалектику формального и неформального в праве [Четвернин, 2009].

Сопоставление разработанных индикаторов с традиционными индексами (Индекс демократии The Economist, Индекс трансформации Бертельсманна, Индекс эффективности государственного управления Всемирного банка) показало наличие между ними тесных статистически значимых связей ($0,64 < r < 0,81$, $p < 0,01$). Корреляционная матрица подтвердила конвергентную валидность предложенной системы индикаторов. Примечательно, что наиболее сильные корреляции обнаружены с показателями социально-экономического развития стран (ВВП на душу населения, Индекс человеческого развития): $0,77 < r < 0,88$, $p < 0,001$. Это соответствует положениям модернизационной теории, трактующей верховенство права как закономерный результат социального прогресса и повышения качества жизни.

Динамический анализ выявил волнообразный характер эволюции правовой государственности. Периоды укрепления и экспансии принципов правового государства (1990-е гг., первая половина 2000-х гг.) сменяются фазами стагнации и попятного движения (вторая половина 2000-х гг., 2010-е гг.). Агрегированный Индекс правовой государственности 25 стран нашей выборки вырос с 0,58 в 1990 г. до 0,66 в 2005 г., после чего последовало снижение до 0,62 в 2020 г. Среднегодовые темпы прироста индекса составили 1,2% в 1990-2005 гг. против -0,4% в 2005-2020 гг. (разность статистически значима, $t(14)=2,38$, $p < 0,05$). Качественный анализ страновых кейсов позволил объяснить эти флуктуации сквозь призму теории «волн демократизации» С. Хантингтона. Правовое государство утверждается в периоды политической либерализации, но испытывает откат в эпохи «авторитарных реверсий».

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что концепция правового государства, несмотря на свою давнюю историю, не утратила теоретической и практической актуальности. В условиях нарастания социальной комплексности, кризиса традиционных демократий, усложнения архитектуры глобального управления принципы верховенства права, разделения властей, независимости суда выступают фундаментом стабильного и поступательного развития.

Проведенное исследование существенно расширяет научные представления о современных

траекториях эволюции правовой государственности. Развенчан миф о правовом государстве как некоем статичном идеальном состоянии, к которому следует стремиться путем механического копирования западных институтов. На обширном эмпирическом материале доказано, что реальные модели правовой государственности крайне разнообразны и динамичны, испытывают воздействие множества социокультурных, экономических, технологических факторов. Универсализация принципов правового государства сопровождается их адаптацией к конкретным цивилизационным контекстам.

Разработанная система индикаторов и методология многомерной оценки уровня реализации принципов правового государства открывает новые перспективы для сравнительно-правовых исследований. Она позволяет перейти от умозрительных рассуждений о «правовом/неправовом» характере государств к точным и верифицируемым измерениям степени приближения к правовому идеалу. Регулярный мониторинг динамики индикаторов даст возможность выявлять болевые точки и отслеживать эффективность реформ по укреплению верховенства права.

Результаты исследования имеют широкий спектр практических приложений. Они могут использоваться для оптимизации государственной политики в сфере совершенствования правовых институтов, разработки страновых программ содействия международному развитию, выработке стратегий общественных организаций по продвижению принципов правового государства. Предложенные индикаторы способны стать ценным дополнением к существующим международным рейтингам и индексам качества государственного управления.

В дальнейшем перспективными направлениями исследований правовой государственности представляются: изучение взаимосвязей между верховенством права, качеством жизни и человеческим развитием; поиск оптимальных моделей сочетания правовых и иных социальных регуляторов; анализ трансформации правовых институтов под влиянием цифровизации; разработка новых форм участия граждан в отправлении правосудия. Теория правовой государственности нуждается в обновлении категориального аппарата, методологии и исследовательской оптики с учетом вызовов формирующегося сетевого общества.

Библиография

1. Bingham T. *The Rule of Law*. London: Penguin Books, 2011. 213 p.
2. Carothers T. *The Rule of Law Revival* // *Foreign Affairs*. 1998. Vol. 77. № 2. P. 95-106.
3. Chevalier J. *L'État de droit*. Paris: Montchrestien, 2017. 160 p.
4. Dicey A.V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. London: Macmillan, 1961. 535 p.
5. Fuller L.L. *The Morality of Law*. New Haven: Yale University Press, 1964. 202 p.
6. Hayek F.A. *The Constitution of Liberty*. Chicago: University of Chicago Press, 1978. 568 p.
7. Lauth H.-J. *The matrix of democracy: A three-dimensional approach to measuring the quality of democracy and regime transformations* // *Würzburger Arbeitspapiere zur Politikwissenschaft und Sozialforschung*. 2015. № 6.
8. Møller J., Skaaning S.-E. *The Rule of Law: Definitions, Measures, Patterns and Causes*. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 126 p.
9. Tamanaha B. *On the Rule of Law: History, Politics, Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 180 p.
10. Алексеев С.С. *Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования*. М.: Статут, 1999. 712 с.
11. Венгеров А.Б. *Теория государства и права: учебник*. М.: Омега-Л, 2005. 608 с.
12. Козлихин И.Ю. *Идея правового государства: История и современность*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1993. 152 с.
13. Нерсесянц В.С. *Философия права: учебник*. М.: Норма, 2018. 256 с.
14. Соколов А.Н. *Правовое государство: от идеи до ее материализации*. Калининград: Янтарный сказ, 2002. 456 с.
15. Четвернин В.А. *Современная либертарно-юридическая теория* // *Ежегодник либертарно-юридической теории*. 2009. Вып. 2. С. 5-9.

Rule of law: vectors of development and improvement

Elena V. Molchanova

Associate Professor of the Department
of Criminal Law, Procedure and Criminalistics,
Kuban State University (Branch in Tikhoretsk),
352120, 24b, Oktyabr'skaya str., Tikhoretsk, Russian Federation;
e-mail: ms.lena.molchanova@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the concept of the rule of law and the prospects for its development in modern conditions. The relevance of the topic is due to the need to search for optimal models of state-legal structure that can ensure effective protection of the rights and freedoms of citizens. The purpose of the study is to identify key vectors of transformation of legal statehood and propose innovative approaches to its improvement. Objectives: 1) systematize the theoretical and methodological foundations of the concept of the rule of law; 2) analyze the world experience of building rule of law states; 3) determine the factors influencing the development of legal statehood; 4) develop a system of criteria for assessing the level of implementation of the principles of the rule of law. Methods. The methodological base includes formal legal, comparative legal and structural-functional methods. The empirical basis was the Constitutions and legislation of 25 states, materials of judicial practice, and analytical reports of international organizations. The sample was formed using a stratified selection method, taking into account the level of socio-economic development and legal traditions of the countries. The reliability of the results is ensured by triangulation of data from independent sources. Results. Three key vectors of transformation of legal statehood have been identified: 1) strengthening the role of supranational mechanisms for the protection of human rights; 2) expansion of the scope of constitutional regulation; 3) digitalization of public administration. A system of 15 indicators for assessing the level of implementation of the principles of the rule of law has been developed. It has been established that none of the studied states fully corresponds to the reference model of legal statehood. Discussion. The results obtained develop the provisions of the general theory of law and state and contribute to the solution of the fundamental problem of legal understanding. The proposed system of criteria can be used in the process of monitoring and strategic planning of the legal development of states. The prospects for the study are related to the search for a balance between the universal principles of legal statehood and national legal identity.

For citation

Molchanova E.V. (2024) *Pravovoe gosudarstvo: vektory razvitiya i sovershenstvovaniya* [Rule of law: vectors of development and improvement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (4A), pp. 151-160.

Keywords

Rule of law, human rights, rule of law, separation of powers, constitutionalism, digitalization

References

1. Bingham T. The Rule of Law. London: Penguin Books, 2011. 213 p.
2. Carothers T. The Rule of Law Revival // Foreign Affairs. 1998. Vol. 77. No. 2. P. 95-106.
3. Chevalier J. L'État de droit. Paris: Montchrestien, 2017. 160 p.
4. Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. London: Macmillan, 1961. 535 p.
5. Fuller L.L. The Morality of Law. New Haven: Yale University Press, 1964. 202 p.
6. Hayek F.A. The Constitution of Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1978. 568 p.
7. Lauth H.-J. The matrix of democracy: A three-dimensional approach to measuring the quality of democracy and regime transformations // Würzburger Arbeitspapiere zur Politikwissenschaft und Sozialforschung. 2015. No. 6.
8. Møller J., Skaaning S.-E. The Rule of Law: Definitions, Measures, Patterns and Causes. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 126 p.
9. Tamanaha B. On the Rule of Law: History, Politics, Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 180 p.
10. Alekseev S.S. Law: ABC - theory - philosophy: Experience of comprehensive research. M.: Statute, 1999. 712 p.
11. Vengerov A.B. Theory of state and law: textbook. M.: Omega-L, 2005. 608 p.
12. Kozlikhin I.Yu. The idea of the rule of law: History and modernity. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 1993. 152 p.
13. Nersesyants V.S. Philosophy of law: textbook. M.: Norma, 2018. 256 p.
14. Sokolov A.N. Rule of law: from idea to its materialization. Kaliningrad: Yantarny Skaz, 2002. 456 p.
15. Chetvernin V.A. Modern libertarian legal theory // Yearbook of libertarian legal theory. 2009. Vol. 2. pp. 5-9.